

МУЗЫКА СМЫСЛА

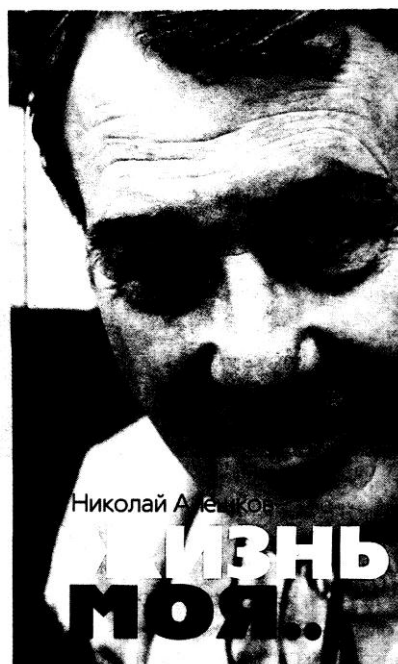
**Поэзия Николая Алешкова —
продолжение классической
традиции в русской поэзии**

Камиль ХАЙРУЛЛИН

В нынешнем году исполнилось семьдесят лет Николаю Алешкову, русскому поэту нашей земли татарстанской. К его юбилею в Татарском книжном издательстве вышел в свет итоговый сборник стихов «Жизнь моя...», отражающий сорокалетний творческий путь поэта. Книга пришлась мне по душе художественной ясностью и простотой, музыкальностью и гармонией, отсутствием псевдоглубокомыслия, вычурности и эпатажа, ставших, увы, сегодня чуть ли не главным критерием оценки новизны и оригинальности современных стихов. Близка и понятна чёткая жизненная и творческая позиция автора.

Алешков — явный продолжатель классической традиции в русской поэзии. Его стихи особенно близки к лирике Есенина и Рубцова. И вместе с тем у него есть свой стиль и своя манера изложения, он не подражатель, а именно продолжатель традиции. И, конечно, не единственный. К этой традиции можно отнести таких замечательных поэтов, как Николай Тряпкин, Анатолий Жигулин, Владимир Соколов, Анатолий Передреев, Юрий Кузнецов, увы, уже ушедших из земной жизни. Несомненно влияние на поэтику Николая Алешкова и представителей современной русской прозы, прежде всего Василия Шукшина, а также Василия Белова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина.

Для меня наиболее значимо и интересно то, как в поэзии Алешкова раскрыта тема единства земного и космического, единства жизни, смерти и бессмертия. Поэтический космизм Алешкова выражается в космических измерениях человеческих переживаний и мыслей, а земные события и дела соотносятся со звёздами, небом и вечностью:

*Что я узнал? Что мир суров и прост.
Что жизнь и смерть — великая поэма.
Земная тяга и мерцанье звёзд —
поэзии единственная тема.*

Он не сомневается в том, что «мир подвержен изначально влиянию звёзд», и считает, что «звёздами путь мой выйдет». Ставит для себя такую поэтическую задачу:

*Я настрою свой стих по-особому,
не ломая обычный размер,
различить сквозь помехи попробую
ту, небесную музыку сфер.*

В стихотворениях Алешкова возникает образ-символ Млечного Пути. Это и небесная Отчизна, и возможность посмертного существования, и место встречи влюблённых друг в друга душ, утративших тела, и бесконечный путь к истине, и рождающиеся новые миры, несущие в себе другую жизнь, и звёздная печаль по умершим близким.

Но в главном Млечный Путь — символ единства земного и вселенского. Он — небесная река, в которую втекает и река земной жизни, несмотря на все её сопротивления, стремления течь в другую сторону, дробиться на многие русла. Небо как бы свидетельствует в пользу того, что земная жизнь не кончается только гробом, могилой и крестом, а имеет небесные перспективы.

Думы о вечности, о звёздном бессмертии души чаще всего возникают у поэта на берегу Камы, где сквозь «молоко туманов» видны золотые купола церквей и воз-

никает желание помолиться за светлое будущее России. Мне кажется, что у Алешкова именно здесь родились ключевые для него строки: «Я по Каме впадаю в Волгу и взлетаю на Млечный Путь». Вероятнее всего, интуитивно он ощутил себя небожителем ещё в подростковом возрасте, когда пас колхозных жеребят в закамских лугах и наблюдал в ночном открытом звёздное небо.

Однако космизм поэзии Николая Алешкова — только одна её сторона. Другая выражает земные и житейские начала. Алешков совсем не космополит. Он — патриот, горячо любящий свою большую Родину — Россию и малую — село Орловку и город Набережные Челны. Он глубоко укоренён в земле, жаждет единства с природой, почитает свои славянско-русские корни и бережно хранит память о предках. Поэт абсолютно убеждён в том, что родина, мать, любовь, семья, память о детстве, вера в Бога — это базовые и священные опоры для каждого человека. Игнорирование или утрата этих опор неизбежно приводит человека в тупик, к духовной опустошённости и ощущению бессмысленности своей жизни.

Не случайно Алешков с большим почтением очертил в стихах образы своих дедов Фёдора и Лаврентия, скончавшихся от ран, полученных на Первой мировой войне, посвятил трогательные поэмы отцу Петру, участнику Отечественной войны, также получившему ранения, и матери Марине, уже ушедшим из жизни.

*Мы из военного теста.
Больш Сталинграда и Бреста
спрятана в нашей крови.
Мы из родительской боли
вырвались, как из неволи,
Родина, благослови!*

С рождения живя в Татарстане, Алешков хорошо понимает значение дружбы между разными народами. Интересуясь татарской поэзией, Алешков сделал переводы стихов ряда татарских авторов, часть из которых вошла в его юбилейный сборник. Но меня «зацепила» его «Баллада о любви», посвящённая трагической судьбе выдающегося татарского поэта Хасана Туфана и его жены Луизы. Пятнадцать лет ни в чём не виновный Туфан просидел в сталинских лагерях, чудом остался жив, а его жена горько переживала разлуку с любимым мужем и постоянно отправляла ему посылки, отказывая себе во многом. Она умерла, не дождавшись мужа. А он, вернувшись из «мест не столь отдалённых», нашёл только её могилу:

Алешков — противник репрессий и тоталитарного режима, пережитых народом, противник попыток возродить всё это в настоящем и будущем: «От колючей сталинской шинели, Господи, помилуй и спаси!». Как крестьянский сын, Алешков не может не помнить, как «десять лет за пуд пшеницы сорной схлопотать любой колхозник мог». И о насильственной коллективизации, о гибели от голода и холода многих из трудолюбивого

сельского люда нельзя забывать: «Крестьянство уничтожено как класс. В селе одни колхозники остались».

Алешков, как редко кто из его поколения, никогда не был членом КПСС и нынче остаётся беспартийным, полагая, что поэт и должен быть таким. Отвергая коммунистическую идею как утопию, Алешков в то же время осознаёт, что в условиях рынка общества жить многим не стало легче:

*При коммунистах мне, ребята,
жилося, конечно, хреновато.
В демократической стране
ещё хреновей стало мне.*

Кажущийся консерватизм Алешкова носит вполне здоровый характер. Общество, по его убеждению, не может строиться только на рыночных отношениях: «Как центр всемирного базара, ты мне не нравишься, Москва!». Алешков противится вторжению чуждых начал в русскую жизнь, уродующих, по его мнению, культуру и литературу.

*Не всё ещё продано, братья,
коль Родина — в каждом из нас!..
Содом изрыгает проклятья,
но смотрит с надеждою Спас.*

Наш общий с Алешковым старший друг и наставник незабвенный Виль Мустафин называл поэзию музыкой смысла. Довольно часто приезжающие в Казань московские и петербургские мэтры от литературы утверждают: эпоха традиционного стихосложения закончилась, хватит перепевать старые песни. Да здравствует текст с полной свободой выраженных в нём ассоциаций и произвольной игрой слов! Такой лозунг если прямо и не провозглашается, то подразумевается. Я не согласен с этим. Мне кажется, поэзия по определению не может быть беспредметной, бесцельной и тем более бессмысленной, сколько не кричи о полной поэтической свободе. Она выражает в речи, языке культурный код народа, его базовые духовные ценности.

Николай Алешков своим творчеством очень естественен и уместен в народной жизни, в русской культуре и литературе. Поэтому его стихи любят в народе, и он — достаточно известный и популярный поэт и за пределами нашей республики. Его поэзия и есть музыка смысла. Пожелаю Николаю Петровичу новых творческих успехов на поэтическом поприще, плодотворной работы на посту главного редактора литературного журнала «Аргмак. Татарстан», выпуска каждого номера которого ждут с интересом читатели.

Хайруллин Камиль Хасанович — философ и литературовед, автор стихов и песен.

В этом номере журнала публикуются новые стихи поэта.